

RU

Антропонимия в эвенкийском языке и культурных традициях эвенков

Варламов А. Н., Варламова Ю. А.

Аннотация. Целью исследования является определение специфических традиций антропонимии в языке и культуре эвенков. Научная новизна публикации заключается в том, что в ней впервые подробно рассматриваются способы словообразования в антропонимиконе эвенков на основе грамматики эвенкийского языка в соответствии с этнографическими традициями этноса. В результате работы выявлено, что имя в культурных традициях эвенков являлось важным мировоззренческим и индивидуальным символом, наиболее точно характеризующим человека и выраженным, как правило, в новом слове, образованном в соответствии с агглютинативной спецификой эвенкийского языка – путем присоединения суффиксов к именной или глагольной основе слова.

EN

Anthroponymy in the Evenki Language and Cultural Traditions

Varlamov A. N., Varlamova J. A.

Abstract. The research aims to determine specific traditions of anthroponymy in the Evenki's language and culture. The work is novel in that it is the first to examine in detail methods of word formation in the Evenki's anthroponymicon on the basis of the Evenki language grammar in accordance with the ethnic group's ethnographic traditions. As a result, it was found that the name was an important worldview and individual symbol in the Evenki's cultural traditions that most accurately characterised a person and was usually represented by a new word formed in accordance with agglutinative nature of the Evenki language, that is by adding suffixes to the nominal or verbal stem of a word.

Введение

В рамках этнической культуры антропонимия представляет собой значительный лексический пласт, в котором наглядно отражены культурные традиции, связанные прежде всего со спецификой языка, мировоззрения и различными этапами исторического пути этноса. Исторически традиции имянаращения у народов имеют существенные отличия, которые стали менее выражены в эпоху глобализации. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в среде миноритарных этносов, в антропонимиконе которых к настоящему времени преобладают распространенные имена крупных соседних народов. В среде современных эвенков чаще всего встречаются имена христианского происхождения и – в меньшей степени – бурятские и якутские имена, что было обусловлено проникновением христианских традиций и процессами ассимиляции, начиная с позднего Средневековья.

Актуальность публикации обусловлена прежде всего ростом внимания к этническим традициям имянаращения со стороны молодого поколения эвенкийского этноса. Кроме этого, антропонимия в культурных традициях эвенков представляет значительный интерес для исследователей языка, этнографии и истории народов тунгусо-маньчжурской группы.

Задачи исследования: выявление специфики имянаращения в этнографических традициях эвенков; определение принципа и способов словообразования в эвенкийском антропонимиконе.

Для решения поставленных задач избран метод комплексного подхода к изучению историко-культурных проблем. В рамках данного метода традиции имянаращения эвенков рассмотрены с точки зрения этнографии, истории и лингвистики, что позволяет представить наиболее объективные результаты работы.

Теоретической базой исследования послужили этнографические и лингвистические работы специалистов тунгусоведения, в которых исследователи обращались к теме антропонимии в рамках лингвистических, этнографических и исторических работ. В исследовании оказались полезны работы С. М. Широкогорова [22], В. А. Туголукова [17; 18], рассматривавших в той или иной мере этнографический и исторический аспекты антропонимикона эвенков. При подготовке публикации привлекались лингвистические работы В. И. Цинциус [19]

и Г. М. Василевич [3], обозначивших общие принципы словообразования в антропонимических традициях северных тунгусов. Кроме того, учитывались работы Г. И. Варламовой [2], Е. Ф. Афанасьевой [1], Д. Г. Вачелановой [5], посвященные традициям имянаречения в фольклоре и культурных традициях локальных групп эвенков.

Основными материалами для исследования послужили сведения, сохранившиеся в архивных фондах [11; 12], раритетных изданиях [7; 10], а также в исследованиях по истории [6], этнографии [4; 13], лингвистике [14] и фольклору [8; 9] эвенков.

Практическая значимость работы заключается прежде всего в возможности использования ее результатов в процессе возрождения антропонимических традиций эвенков. Кроме этого, результаты исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по этнокультуре эвенков в вузах гуманитарного профиля.

Специфика имянаречения в этнографических традициях эвенков

В среде эвенков имя являлось важным символом, игравшим особенную роль в жизни человека. В соответствии с эвенкийскими мировоззренческими традициями имя человека одушевлялось – относилось к сакральной сфере жизни. Подтверждением этому является этнографическая традиция запрета обращения по имени в кругу семьи. В семейной среде эвенки чаще обходились принятыми формами обращений: *нэкукэ* – малыш, *хутэ* – ребенок, *омолги* – парень, *хунат* – девушка, *гирки* – друг (между супругами), *эдэ* – старик, *эвэ* – бабушка, *бэе* – мужчина и др. [4, с. 171].

Имя каждого человека было уникальным, выражая наиболее характерные черты характера, внешности, поведения либо выдающиеся способности обладателя. В отличие от традиций большинства современных народов имя не давалось детям исключительно при рождении. Как правило, для наречения именем проходил определенный срок, в течение которого в ребенке можно было выявить наиболее уникальные черты характера или связать начало его жизни с каким-либо значимым событием.

Имя человека часто являлось новым словом. При этом имя не всегда было единственным, оно могло меняться в течение жизни по разным причинам. Одной из таких причин могли стать неудачи и беды, случившиеся с человеком: «В случае беды имя меняли. У эвенков существовал оберег-одё: “Если стряется беда – перемены имя”. По мировоззренческой логике эвенков следовало это сделать, чтоб несчастье не нашло тебя во второй раз по твоему имени, так как имя выражало сущность человека» [2, с. 65].

Во взрослой жизни человек чаще всего получал новое имя, которое в большей степени соответствовало чертам его характера, способностям, поведению и заслугам перед родовым обществом. Данный тезис подтверждается материалами исторических документов XVII-XIX вв., в которых преобладают имена эвенков среднего и старшего возраста.

Отношение к имени наглядно иллюстрируется фольклорными традициями эвенков, в которых имя является своеобразной «визитной карточкой» человека, несет в себе важнейшую характеристику обладателя, представляя собой яркий образный эпитет: *Нюңун нюңунтоно Нюңурмок асаткан-куңакан* – «Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюңурмок – девочка-сиротка» [8, с. 182-186]; *Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн дэгийлтэр соңку Дэвэлчэн* – «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» [Там же, с. 89-96]. Кроме этого, имена персонажей эвенкийского фольклора представляют интерес с историко-этнографической точки зрения. Имена персонажей повествовательного фольклора эвенков нередко сопоставимы с именами исторических личностей [9, с. 17, 356, 367]. А имена эпических образов являются символами культурных традиций локальных групп и этносов, с которыми эвенки вступали в межкультурное взаимодействие в течение исторического развития [8, с. 16-17].

Принцип и способы словообразования в эвенкийском антропонимиконе

Принцип словообразования в антропонимии эвенков основан на специфике эвенкийского языка, а именно на его агглютинативной структуре. В соответствии с правилами эвенкийского языка при образовании имени к именной или глагольной основе присоединяются аффиксы (преимущественно суффиксы), образующие новое слово либо словосочетание. Способы словообразования представляют собой использование суффиксов и их сочетаний, позволяющих выразить наиболее точное значение образованного имени. В эвенкийском языке существуют специальные «именные» суффиксы. В образовании мужских имен наиболее употребительны суффиксы *-(н)ча/-(н)чэ/-(н)чо* (*Бэркэчэ, Дигинча*), *(в)-ул(ь)* (*Мэкэвул, Анчауль*), *-най/-нэй/-ной* (*Немнэй, Угунай*), *-ни* (*Отани, Бэлгэни*), в женских – *-к* (*Гевак, Иманнак*), *-чан/-чэн/-чон* (*Ивекчан, Кимэкчэн*), *-кан/-кэн/-кон* (*Утакан, Инмэкэн*). Рассмотрим способы словообразования в антропонимии эвенков на примерах исторических имен через призму этнографических традиций этноса с подробным изложением структуры и этимологии имен.

Индивидуальные характеристики имени обычно были связаны с чертами характера и особенностями поведения человека: *Немнэй* – «Быстрый», «Проворный», от диалектного *нема* (*һима*) – «скорость, скорый, проворный, быстрый» [20, с. 418] + *-нэй/-най* (суффикс имени собственного мужского рода) [21, с. 777]; *Туни* – «Топочущий», «Громко ступающий», от *ту* – «топот», *ту-ми* – «наступить» [20, с. 615] + *-ни* (суффикс имени собственного мужского рода) [21, с. 782]; *Бэлгэни* – «Вздрагивающий [от неожиданности]», от *бэлгэ-ми/болго-ми* – «вздрагнуть [от неожиданности]» [Там же, с. 59] + *-ни* (суффикс имени собственного мужского рода) [Там же, с. 782].

Иногда имена были образованы от сходства с поведением того или иного животного: *Чатырэ* – «Песец» [20, с. 714], *Делэткаэн* – «Горностайчик», «Подобный горностаю», от *делэки* – «горностаю» [Там же, с. 197] + *-ткэн* (уменьшительный суффикс по возрастному признаку) [21, с. 791]. Имя собственное могло быть образовано по старшинству (очередности рождения детей): *Оёлго* – «Старший [сын]», от *оёлго* – «верхний» [16, с. 8]; *Сергут/Һэргут* – «Младший, самый младший [в семье]», от *Һэргу/Һэргу* – «нижний», «младший» [16, с. 368; 20, с. 592]; *Долгуча, Долгунча* – «Средний», от *долгу/дулгу* – «средний» [20, с. 167, 173] + *-ча* (суффикс имени собственного мужского рода) [21, с. 796]; *Дыгинча* – «Четвертый [ребенок в семье]», от *дыгин* – «четыре» [20, с. 178].

Стоит отметить, что имена, данные при рождении, часто не несли в себе индивидуальные характеристики. Нередко имя ребенку давалось от названия места рождения: *Каёча* – «Родившийся на озере Каё», от *Каё* – название гидронима + *-ча* (суффикс имени собственного мужского рода); *Эдилгэ* – «Родившийся на притоке в нижнем течении реки», от *эди/эдиги* – низовье большой реки [Там же, с. 757] + *-лгэ* (суффикс названий притоков крупной реки) [21, с. 767]. В некоторых случаях имя ребенка было связано с каким-либо природным явлением, сопровождавшим его рождение: *Удунга, Удунча* – «Родившийся во время дождливой ветреной погоды», от *удун* – ветер, дождь с ветром [20, с. 662] + *-га* (суффикс действия) [21, с. 749]; *Ливгэрик* – «Родившаяся во время рыхлого весеннего снега», от *ливгэ* – рыхлый снег весной [20, с. 337] + *-ри* (суффикс глагольной формы процесса действия, суффикс деепричастия) [21, с. 786] + *-к* (суффикс имени собственного женского рода) [Там же, с. 758].

У эвенков не существовало традиции использовать имена живших ранее людей. Исключение составляли имена выдающихся личностей, которых внешнею либо особенностями характера напоминал получатель имени. В этом случае обычно добавляли соответствующий суффикс. К примеру, в исторических документах многократно встречается упоминание о главе рода *Киндигир* по имени «Якон», возглавлявшем вооруженное сопротивление ангарских эвенков отрядам сборщиков ясака 30-х гг. XVII в. В более позднее время в списках ясачных плательщиков этого рода встречаются имена *Яконкан* и *Яконкачин* [6, с. 480; 10, с. 17; 11, ед. хр. 34, л. 513; 12, ед. хр. 22, л. 191-194]. Этимология имен означает «Похожий на Якона», «Поступающий как Якон»: *Яконкан* образовано от имени собственного (Якон) и суффикса *-кан* (суффикс вторичной глагольной основы, обозначающий подражание действию) [21, с. 760], *Яконкачин* – от имени и суффикса *-качин* (вариант суффикса подобия) [Там же, с. 761].

Среди неиндивидуальных имен более распространенными являлись имена, отражающие родовую принадлежность. Для женских имен используются суффиксы *-мну, -мни*, которые применимы также для обозначения индивидуальных характеристик человека [Там же, с. 774]: *Пуягимну* – «Женщина (девушка) рода Пуягир»; *Калтагимни* – «Женщина (девушка) рода Калтагир». Для мужских имен обычно используется суффикс *-ки* [Там же, с. 761]. *Эденки* – «Мужчина из рода Эден», где *-ки* – суффикс принадлежности к роду. В Средние века для обозначения принадлежности мужчины к родовой организации использовался суффикс *-нку(р)* [Там же, с. 780-781]: *Наҕагинку(р), Сологонку(р)* – «Мужчина из рода Сологон». К примеру, одним из первых имен эвенков в исторических документах конца 20-х гг. XVII в. встречается имя князя «Мендизикур» из группы чадобских эвенков Приангарья [6, с. 200]. В документах внесено искаженное *Мандегинкур* – «Мужчина из рода Мандегит». *Мандегит* – род, населявший в XVII в. бассейн Нижней Тунгуски и ее притоков [4, с. 273].

До середины XVII в. встречались имена с редким суффиксом *-ндри*, сохранившимся в большей степени в именах персонажей эвенкийского фольклора: *Намэндри, Торгандри, Дяндри* – иносказательное название медведя, предка. По мнению Г. М. Василевич, суффикс *-ндри* является фонетическим вариантом суффикса *-ни* [21, с. 298]. На наш взгляд, этот суффикс можно выделить отдельно, обозначив его специфическую функцию обозначения символа предка, покровительства предков. В списках ясачных плательщиков сымских эвенков середины XVII в. упоминаются имена с суффиксом *-ндри*: *Хомондри* – «Имеющий покровительство медведя-предка», от *хомоты* – иносказательное название медведя [16, с. 332]; *Дагандри* – «Имеющий покровительство близких (недавно ушедших) предков», от *дага/дага-ми* – «близкий», «недавний» [15, с. 187-188].

Большинство эвенкийских имен, зафиксированных в исторических документах, являются повторными именами, данными людям в молодом и зрелом возрасте. Многие из них связаны с хозяйственной деятельностью – оленеводством и охотой, а если точнее – отражали способности обладателя имени: *Онилэн* – «Умеющий быстро находить оленей», от *они-ми* – «искать оленей, чтобы пригнать к стоянке» [20, с. 468] + *-лан* (суффикс, обозначающий название человека по его способностям) [21, с. 666]; *Лаңга* – «Охотящийся [хорошо] при помощи ловушек», от *лаң* – «пасть (ловушка на зверя)» [20, с. 334] + *-га* (суффикс действия предметом) [21, с. 749]; *Энтэвуль* – «Умеющий подражать олене», от *энтэ, энтэ-ми* – «хорканье», «хоркать (о важенках)» [16, с. 457-458] + *-вуль* (суффикс имени собственного мужского рода).

Значительная часть эвенкийских имен эпохи Средневековья являлась отражением воинских традиций эвенков. Для подтверждения приведем примеры имен исторических личностей. В списках эвенков «Легорова рода» Тасеевской волости 60-х гг. XVII в. упоминается имя охотника «Адала(н) Цымеков» [6, с. 206]. Имя *Адалан* интерпретируется как «Умеющий увертываться [от стрелы, удара]», от *ада/ада-ми* – «увернуться [от удара, чего-либо брошенного]» [20, с. 26] + *-лан* (суффикс, образующий название, имя человека соответственно его способностям) [21, с. 767]. В исторических документах, описывающих конфликт оленёвских эвенков с отрядом ясачного сборщика Ивана Сорокина в 1653 г., встречаются имена *Илняя (Илная), Баргу (Варгу)* [10, с. 53-54]: *Илная* – «Натянувший тетиву лука», от *ил-ми/ил-ми* – «натянуть тетиву» [20, с. 236] + *-ная* (суффикс одновременного деепричастия) [21, с. 778], т.е. иносказательное «Воин»; *Баргу/Варгу* – «Убивающий быстрее других», «Убивающий мгновенно», от *ба-ми/ва-ми* – «убивать» + *-р* (суффикс быстроты) + *-гу* (суффикс, обозначающий лицо, выделяющееся чем-либо) [Там же, с. 752].

Существенная часть имен эвенков была связана с нематериальной стороной бытия, с традициями шаманизма. Например, в ясачных книгах 20-х гг. XVII в. упоминается князь одного из родов варгаганских и катангских тунгусов по имени Яндага [6, с. 191; 11, ед. хр. 15, л. 359]. *Яндага* – иносказательное «Разжигающий шаманский огонь», т.е. «Способный шаманить», от устаревшего *янда-ми* – «разжигать огонь [ритуальный]» + *-га* (суффикс, образующий имя действия) [21, с. 749]. В челобитной четырех родов оленёкских эвенков от 16 апреля 1653 г. упоминается шаман по имени *Елдага* [10, с. 54-55] – дословно: «Углящий», т.е. «Раздувающий угли», от *елда/елла* – «уголь» [15, с. 289-290] + *-га* (суффикс постоянности действия) [21, с. 749]. В списке эвенков, приписанных к Хантайскому ясачному зимовью в 30-х гг. XVII в., встречается род *Хангай*, родоначальником которого являлся шаман по имени *Ханга* [11, ед. хр. 986, л. 361-362]. *Ханга* – «Знающий», «Шаман» (иносказ.), от *ха-ми/са-ми* – «знать» [20, с. 536] + *-н* (суффикс 3-го лица) + *-га* (суффикс, образующий имя действия) [21, с. 749].

Имена некоторых исторических личностей легли в основу родовых названий. Например, в документах о ясачном сборе витимских эвенков 40-х гг. XVII в. встречается имя «Комбой», «Комбойко Пекиев» [7, с. 258-259]. По предположению В. А. Туголукова, *Комбой* был основателем рода *Комбагир* [17, с. 128]. Имя *Комбой/Кэмбэй* может быть образовано от *кэмбэи/кэмбэни* – «изюбрь» [21, с. 73] либо от *кэм* – «мужское верховое седло» [20, с. 326] + *-бэ* (суффикс, образующий глагольную основу со значением действия) + *-й* (суффикс формы уважительного обращения). Варианты этимологии: «Изюбрь», «Ездящий верхом [на олене]». Происхождение названий некоторых родов, образованных от имен предков, отражено в исторических преданиях эвенков. Так, по преданиям западных эвенков, предком-основателем рода *Топоко/Топорко/Тэпэкэ* (патронимия рода *Момоль*) называется сонинг (воин) по имени *Топоко/Тэпэкэ* [9, с. 291-292], а название рода *Кордуаль* происходит от имени предка – *Кордуй* [Там же, с. 301, 381]. По нашему мнению, происхождение имени *Топоко/Тэпэкэ* связано с глагольной основой *тэпэ-ми* «пройти насквозь, пронзить» [20, с. 652], т.е. «Пронзающий насквозь». Имя Кордо/Кордуй, по мнению В. А. Туголукова, имеет иноязычное происхождение [17, с. 84].

Заключение

Исследование позволяет сделать следующие выводы, характеризующие антропонимические традиции эвенков. Во-первых, традиция имянаречения в культуре эвенков имеет специфические черты, характеризующие имя как важный мировоззренческий и индивидуальный символ, наиболее точно отражающий уникальные характеристики человека. При этом имя не являлось единственным в течение жизни человека и могло изменяться с достижением определенного возраста и приобретением соответствующего социального статуса. Во-вторых, принцип и способы сложения имени в культуре эвенков основываются на агглютинативной специфике эвенкийского языка, согласно которой к именной или глагольной основе добавляется суффикс либо их сочетание, в результате чего возникает новое слово или словосочетание. Чрезвычайно большое разнообразие функциональных суффиксов эвенкийского языка позволяет формировать уникальные лексические формы, являющиеся новыми именами. Лексические значения в виде образованных эвенкийских имен являются обязательным отражением индивидуальных характеристик внешности, характера либо соответствуют родовой принадлежности лица, хозяйственным, воинским и духовным традициям этноса.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с работой над подготовкой этимологического словаря исторических имен эвенков. Результаты, изложенные в публикации, будут полезны в исследованиях по истории и этнографии и языку тунгусо-маньчжурских народов.

Источники | References

1. Афанасьева Е. Ф. История имянаречения у баунтовских эвенков (по архивным материалам) // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич. Якутск, 2020. С. 97-98.
2. Варламова Г. И. Имя и наречение именем в эвенкийском эпосе // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сборник научных трудов / под ред. Г. В. Быковой, проф. Г. И. Варламовой. Благовещенск: БГПУ, 2010. Вып. 3. С. 65-71.
3. Василевич Г. М. Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии: сб. ст. / отв. ред. С. И. Брук. Л.: Наука, 1974. С. 296-302.
4. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII - начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
5. Вачеланова Д. Г. Имена баргузинских эвенков: прошлое и настоящее // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 79-80.
6. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
7. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12-ти т. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. Т. 2. 1613-1645. 279 с.
8. Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса: словарь-указатель / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов, Н. Е. Захарова, М. П. Яковлева. Новосибирск: Наука, 2019. 360 с.
9. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1966. 400 с.

10. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сборник документов / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича; под общ. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. XXXII+280 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1.
12. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4.
13. Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. Якутск: Кн. изд-во, 1985. 200 с.
14. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области = Дялтулакская говор эвэды турэрукин: в 2-х ч. / сост. Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Т. Е. Андреева, Р. Е. Мальчакитова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. Ч. 2. 235 с.
15. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
17. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
18. Туголуков В. А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
19. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка: в 2-х ч. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1947. Ч. 1. Фонетика и морфология. 280 с.
20. Эвенкийско-русский словарь / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
21. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 803 с.
22. Shirokogoroff S. M. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogaved from manuscripts. Tokyo: The Minzokugaku Kyokai, 1944. 256 p.

Информация об авторах | Author information

RU**Варламов Александр Николаевич**¹, д. филол. н.**Варламова Юлия Александровна**²¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск² Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ**EN****Varlamov Alexander Nikolaevich**¹, Dr**Varlamova Julia Alexandrovna**²¹ The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk² Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude¹ atki2006@yandex.ru, ² juliavarlamova2017@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.04.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): антропонимия эвенков; антропонимикон эвенков; эвенкийские традиции имя-наречения; суффиксы эвенкийского языка; the Evenki's anthroponymy; the Evenki's anthroponymicon; Evenki traditions of naming; suffixes of the Evenki language.